

DOI: 10.15372/HSS20160310
УДК 003.2(=512.157)''17/18''

А.А. БОРИСОВ

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РАННЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ У ЯКУТОВ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)***

Анриан Афанасьевич Борисов,
д-р ист. наук, приглашенный исследователь,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
РФ, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7,
e-mail: a_a_borisov@mail.ru

Возникновение письменности у якутов в первой половине XIX в. – установленный факт. Считается, что она получила ограниченное распространение, тем не менее велось преподавание якутского языка. Миссионерская деятельность осуществлялась на якутском языке. Началась личная и деловая переписка. Осуществлялись переводы светских документов на якутский язык. Бытование ранней письменности у якутов стало одним из каналов ретрансляции русской культуры. Большую роль в этом сыграли *акторы* – создатели письменной традиции. Показано разнообразие жанров от литературных и делопроизводственных до эпистолярного. Целенаправленные действия государства и церкви, их инициатива по созданию письменности у младописьменных народов были важнейшей особенностью политики по отношению к этим народам.

Ключевые слова: якуты, ранняя письменность, особенности ее функционирования, первая половина XIX в., миссионеры, грамотность, памятники, акторы-подвижники, политика.

A.A. BORISOV

**ON THE SPECIFICS OF ORIGIN AND FUNCTIONING
OF THE EARLY YAKUT WRITING (LATE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

Andrian A. Borisov,
Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow,
Saint Petersburg Institute of History RAS,
7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110, Russia,
e-mail: a_a_borisov@mail.ru

The aim of the article is to draw attention to the nascent period of the early writings of the Yakuts, which played an important role in the history of the Yakuts and characterizes ethnic and confessional policy of Russia. In order to achieve the set goal the author describes the revealed texts and actors in the process.

Although historians have admitted the existence of the written tradition before the Revolution of 1917, they questioned the extent of its spread. On the basis of the revealed texts the article attempts to show the historic features of origin and the nature of existence of the written tradition at the end of the XVIII – first half of the XIX century. Furthermore, it pays attention to the authors of these texts, some of them have been mentioned for the first time. The beginning of the period under study was marked by the spread of literacy among the Yakut population. This was possible thanks to the initiative of the state to create the Yakut writing, which was an important element of Russia's policy.

The author adheres to the concept of multiculturalism in relation to the national policy of the Russian Empire, that went through three stages of development. This policy was clearly manifested in the creation of writing for various peoples that were annexed into Russia at different times, including those ethnic groups that previously had not had written languages. Among the methods used in the article the leading position is taken by the retrospective, historical and comparative methods.

Among the key research findings one should mention the setting of a problem of the early Yakut writing's origin. Aside from the famous monuments of this writing the author identifies a number of new texts demonstrating the variety of genres – from literary to epistolary; identifies and characterizes the first actors of the process of formation of the early Yakut writing. These actors included representatives of the yakutized Russians and educated Yakuts.

Key words: Yakuts, the earliest written language, appearance, functioning, features, the first half of the XIX century, missionaries, literacy, monuments, actors-devotees, policy.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

В отечественной науке якутский язык относят к так называемым младописьменным языкам. Среди бывших советских народов выделялись восемь групп народов – начиная с тех, у которых издавна была национальная письменность (русские, армяне, грузины) до народов, не имевших письменности (народы Севера, Дагестана, каракалпаки, ингуши и др.). Якуты наряду с удмуртами, коми, осетинами и некоторыми другими народами были отнесены к народностям, имевшим начатки письменности в форме алфавитов на базе русской графики [1, с. 3, 28].

Современная якутская письменность возникла в первые годы советской власти. Вначале это был алфавит С.А. Новгородова на основе МФА, а затем – кириллическая система письма, которой и ныне пользуются якуты. В качестве предшественников выступают хитровский алфавит и академический алфавит О.Н. Бётлингга–Э.К. Пекарского. Первый был разработан протоиереем Д. Хитровым в 1858 г. для миссионерских целей. Именно благодаря ему за более чем полвека были изданы сотни книг на якутском языке духовного содержания. Второй успешно обслуживал академические цели. Издавались научные труды, словари, фольклорные сборники [2, с. 286–306]. Между тем истоки традиции якутского письма лежат глубже и восходят, судя по всему, к началу XIX в.

Очевидно, что письменность выступает важнейшим элементом государственности и гражданского общества. Ее возникновение стало мощным фактором интеграции якутского общества в российское общественно-политическое, социально-правовое и культурное пространство. В этой связи важно проследить время и обстоятельства возникновения письма, а также влияние данного процесса на историческое и культурное развитие якутского общества.

В якутской историографии пересмотрено ошибочное мнение об отсутствии письменности у якутов в XIX в. Она была, но не получила массового распространения [3, с. 77–78]. В связи с этим встает вопрос о времени ее возникновения. До сих пор отдельно этим вопросом никто из исследователей не занимался.

Литературовед Н.Н. Тобуроков вслед за Н.М. Заболоцким, Н.А. Габышевым, П.А. Слепцовым считает, что «Воспоминания Уваровского» «заложили начало истории якутской художественной литературы» [4, с. 30].

П.А. Слепцов, признавая факт возникновения письменности в дореволюционное время, задался целью – выяснить, «насколько язык этой письменности можно назвать литературным (письменно-литературным) и каково его отношение к современному литературному языку» [5, с. 14].

Таким образом, в историографии вопрос о бытовании письменности у якутов до 1917 г. решен положительно. Открываются большие перспективы в изучении ранних памятников якутской письменности, в частности, относящихся к первой половине XIX в., что и предполагается сделать в настоящей статье. В связи с вышеизложенным важно обратить внимание

также на *акторов* процесса зарождения данного очень важного явления в истории якутов.

Грамотность среди якутов стала распространяться усилиями как светских, так и духовных властей в XVIII в. Это было частью политики государства по закреплению территории края в составе Русского государства. Создание национальной письменности облегчало приобщение коренного населения к православной вере, что служило цели интеграции его с основным населением страны.

К середине XVIII в. в каждом улусе Центральной Якутии было по несколько грамотных якутов из числа новокрещенных, а во второй половине века их число перевалило за полсотню [3, с. 21–23, 28]. Среди якутов постепенно сформировался слой грамотных людей, что, на наш взгляд, предопределило успех якутских петиционных инициатив С. Сыранова (1767), А. Аржакова (1789), И. Шадрина (1797), С. Васильева (1803), Н. Рыкунова, И. Мигалкина, С. Кириллина (1824), Е. Готовцева (1848) и др. Первые четыре акции объединены стремлением законодательно утвердить правовое поле, в рамках которого действовало инородческое самоуправление. Названные лидеры хотя и не были сами грамотны, но хорошо понимали значимость поставленных проблем. Последующие инициативы облечены в более зрелую форму борьбы за расширение уже достигнутых успехов в области предоставления инородцам некоторых административных и судебных прав, в сфере образования (открытие школ), в хозяйствовании (закрепление земель за фактическими владельцами – расчищенных участков под пашни и сенокосы и пр.). Подготавливалась почва для создания слоя образованных людей из числа инородцев Якутии.

Тем временем различными путешественниками и учеными (И. Идесом, Н. Витзенем, Ф. Стралленбергом, Г. Миллером, Я. Линденау, П. Палласом, И. Георги, И. Биллингсом и др.) происходила фиксация отдельных якутских слов, фраз и даже коротких текстов, например, образцов фольклора или перевода молитвы «Отче наш». Впервые якутские тексты, по состоянию на середину XIX в., описал в своей монографии О.Н. Бётлингк [6, с. 53–68].

Обнародованное в 1804 г. Положение об устройстве учебных заведений Министерства народного просвещения стало внедряться и в Якутии: открывались начальные школы, уездное училище, приходское духовное училище. В первые десятилетия только в Якутском уездном училище количество учащихся превышало 90 чел. [3, с. 30]. В открывшейся в 1801 г. школе при Якутском Спасском монастыре обучались в разное время несколько десятков якутских детей [7, с. 351]. Важно, что они пополняли штат писарей в инородных управах, а некоторые из них поступали на службу в местные органы власти.

Наконец, в 1799 г. состоялось важное историческое событие – сын боярский Николай Шестаков перевел текст присяги императору Павлу I на якутский язык [3, с. 53–54, 78]. Обратим внимание на замысел

акторов данного события. Создавался текст не из узко научного кабинетного интереса, а для массового использования.

Такие тексты были довольно разнообразные, хотя и малочисленными. О.Н. Бётлингк использовал три текста: 1) христианского исповедания, 2) клятвы и 3) сказки [6, с. 67–68]. Кроме них и упомянутой выше присяги нами обнаружены два образца клятвы: один – из языческой практики¹, другой – представлял собой, по-видимому, перевод православной клятвы². В первом случае власти Якутского округа 21 мая 1847 г. якутам и тунгусам Якутского округа приказали доставить сведения «о том, какая клятва употребляется в важных случаях между инородцами до принятия христианства». В результате был представлен текст из шести строк на языке оригинала.

Во втором случае в ноябре 1835 г. якуты 5-го Мальжегарского наслега Кангаласского улуса использовали текст клятвы также на якутском языке, представляющий собой, судя по форме и содержанию, перевод из православной практики.

К изучаемому времени относятся по меньшей мере два перевода православной духовной литературы [8, 9, 10]. Это, во-первых, «Сокращенный Катихизис для обучения юношества православному закону христианскому, переведенный на якутский язык с приложением наперед таблиц для складов и чтения гражданской печати», издававшийся в Иркутске дважды – в 1819 и 1821 гг. Для облегчения чтения и обучения текст во втором издании расположен на листах, разделенных на две части: на левой – русский текст и на правой – якутский перевод. О литературных достоинствах перевода имеются диаметрально противоположные мнения, тем не менее, это издание служило на протяжении столетия учебным пособием не только для освоения православного вероучения, но и для развития якутского письма.

О втором тексте – «Кратком катихизисе на русском и якутском языках», изданном в Санкт-Петербурге в 1844 г., известно гораздо меньше. Важно, что это был самостоятельный перевод, заметно отличающийся от предыдущего. Поскольку он представляет собой перевод текста, состоящего из вопросов и ответов, по-видимому, он был еще более адаптирован для якутского читателя.

Нами выявлен один любопытный двуязычный текст из обычного права якутов³. Он дополняет русскоязычные образцы нормативной практики якутов, которые содержат в себе якутскую лексику. Он представляет собой «расписку» князя Дмитрия Готовцева, датированную 10 марта 1813 г. по поводу заключения калымного договора между ним и сватом Андреем Сыромятниковым. Текст в основном напи-

сан по-русски, но включает в себя якутские термины и даже отдельные фразы.

Имеются также два перевода официальных документов: «Записка» – прошение кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева от 10 июня 1848 г.⁴, и выдержки из «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», переведенные на якутский язык, датированные 1838 г.⁵

В «Записке» со знанием дела описано положение Якутской области и выражена обеспокоенность тем, что обещанное со времен «Устава об инородцах» 1822 г. издание «степных законов» не состоялось. Автор свои предложения по улучшению ситуации сформулировал в четырех пунктах: 1) об отделении области от Иркутской и Енисейской губерний по части отнесения земских повинностей, 2) об устройстве продовольственных магазинов, 3) о восстановлении Степной думы, упраздненной в 1838 г., 4) о присвоении якутским родоначальникам звания потомственных почетных граждан.

Любопытен «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», собравший нормы обычного права бурятов, хакасов, якутов. Он состоит из 540 статей. Сохранился один из вариантов, часть которого переведена на якутский язык. Судя по уровню перевода, автор был хорошо подготовлен. Помимо владения якутским языком он старался сохранить суть текста и одновременно стремился быть понятен и для якутского читателя, подбирая с этой целью близкие по смыслу слова из словарного фонда якутского языка того времени. Переводу предпослан небольшой словарь, куда вошли 205 терминов, отражающих обычно-правовую лексику⁶. Это, пожалуй, первый специализированный словарь, созданный для перевода лексики, обслуживающей юридическую сферу.

Кроме того, отложился определенный массив текстов эпистолярного жанра⁷ [5, с.24]. По данным исследователей, сохранились десятки писем на якутском языке, относящихся в том числе и к изучаемому периоду. Этот ценный источник еще ждет своего исследователя. Даже при первом знакомстве с ними видно, что корреспонденты вполне буднично обмениваются новостями, просят о помощи, договариваются о своих делах и т.д. Приведем один образец такого частного письма. Якут Иван Готовцев пишет своему дяде Егору Лазаревичу Готовцеву (бывшему кандидату головы Баягантайского улуса, автору вышеупомянутой «Записки») весьма прозаичное письмо. Во-первых, в преамбуле этого письма сразу же оговаривается, что письмо отправлено с нарочным, поэтому на нем нет почтового номера, что лишний раз свидетельствует об обыденности эпистолярного жанра для некоторых

¹ Научный архив республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 1505. Л. 16об – 17.

² Там же. Ф. 39-и. Оп. 2. Д. 33. Л. 35–35 об.

³ Архив Якутского научного центра СО РАН (Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 4. Оп. 16. Д. 4. Л. 49–49об.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–6об.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366. Л. 27–117.

⁶ Там же. Л. 28–33.

⁷ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 16. Д. 43, 47, 57 и др.

слоев якутского общества. Во-вторых, автор письма просит о небольшом одолжении – устроить угощение для своего родственника за счет средств в размере 3 руб. серебром, вырученных от продажи быка⁸. Сам слог и содержание письма говорят о том, что для якутов изучаемого времени частная переписка становится повседневной необходимостью.

Наконец, следует отметить высшую форму проявления письменной практики изучаемого времени – о творчестве А.Я. Уваровского – «Воспоминания» и перевод нескольких русских текстов на якутский язык, нижние временные границы которого относятся к 1846 г. [11]. Поскольку о его литературных достоинствах и общественной значимости достаточно много написано [12; 13; 14, с. 41–56; 15, с. 134–135 и др.], ограничимся лишь следующими соображениями. Поскольку данное произведение увидело свет как академическое издание, оно осталось не доступным якутязычному читателю на долгие годы. Кроме того, поскольку автор был русским чиновником, сохранялась определенная межэтническая дистанция. Он находился несколько в стороне от образованной якутской среды. Тем не менее, интересно предположение о том, что А.Я. Уваровский писал по-якутски еще до знакомства с О.Н. Бётлингом (12, с. 36; 13, с. 18; 14, с. 5 0). В этой связи перспективным выглядит поиск его возможных корреспондентов среди представителей якутского населения.

Афанасий Яковлевич Уваровский (1800–1861) – русский чиновник Якутского областного правления, титулярный советник, самый яркий представитель среди *акторов* ранней якутской письменности. По матери имел якутские корни, поэтому его в литературе иногда снисходительно называли «инородцем». Судя по его мировосприятию и воспитанию, он был, безусловно, русским человеком, но представителем русского старожильческого населения, тесно связанным не только со своей узкой средой, но и с этнокультурным окружением; а оно было в подавляющем большинстве якутским. Он вошел в историю как автор первого художественного литературного произведения на якутском языке. Интерес представляет не столько тот факт, что он по просьбе академика Отто Бётлинга написал свои «Воспоминания» на чистейшем якутском языке, а то, что, судя по всему, и до этого времени уже началась традиция письма на данном языке. Весь вопрос в том, какова степень развития этой традиции, как она повлияла на культурно-исторические процессы.

Другой представитель этой небольшой группы подвижников – **Попов Георгий Яковлевич** (1786–?.), русский священник; он служил в Олекминском Спасском храме. Перевел на якутский язык «Сокращенный катехизис», который был издан в Иркутске в 1819 г., а затем переиздан в 1821 г. Происходил из священнической династии Поповых, основателем которой был Попов Василий Егорович – родился между 1719 и 1724 гг. в г. Великий Устюг. Был назначен священни-

ком в Якутский уезд и добился постройки в м. Сунтар Сунтарской Введенской церкви. Получил сан протоиерея. Всего насчитывается шесть поколений Поповых [16, с. 13–21].

В свое время П.А. Слепцов не согласился с мнением С.Н. Донского и П.В. Попова, что указанный перевод представляет собой совершенно исковерканный якутский язык: «Перевод, буквально следующий оригиналу, в своих лучших частях довольно точен и даже выразителен» [5, с. 18].

В указе Иркутской духовной консистории от 29 апреля 1821 г. предписывалось: «чаще прочитывать своим прихожанам катехизис, переведенный на якутский язык, и прилагать неусыпное попечение к обучению детей грамоте по напечатанной при том Катехизисе таблице и по данному к тому наставлению» [17, с. 44]. Другими словами, на какое-то время это издание стало своеобразным учебным пособием. Учащиеся не только познавали бога на своем родном языке, но и обучались грамоте. Обращает на себя внимание, что второе издание 1821 г. было опубликовано на обоих языках, что, несомненно, облегчало процесс обучения.

Переводчиком издания 1844 г. стал другой священник – **Михаил Охлопков** [3, с. 56–57], о котором, к сожалению, пока ничего не известно. Следует отметить, что он осуществил свой перевод независимо от своего предшественника. По-видимому, предстоит перспективный сравнительный анализ художественных достоинств обоих переводов.

Из других деятелей, оставивших след в истории зарождения якутской письменности, следует упомянуть **Федора Посельского** из Второго Ольтекского наслега Борогонского улуса, бывшего письмоводителя управы данного улуса и Якутской степной думы. Ему принадлежит перевод упомянутой выше «Записки» кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о состоянии Якутской области (1848 г.) Сам документ был составлен сыном якутского купца Ахментия Чекалева – Феодосием, видимо, по просьбе Е.Л. Готовцева⁹.

Стоит упомянуть и первого учителя из якутов из Первого Мальжегарского наслега Кангаласского улуса **Назара Борисова** – выпускника местного уездного училища, назначенного в Якутское приходское училище в 1826 г. [3, с. 38; 18, с. 111–112].

Таким образом, возникновение ранней якутской письменности стоит в ряду с общим процессом создания письменности младописьменных народов Российской империи. Заметные успехи были сделаны в конце XVIII – начале XIX в. Этот процесс в Якутии развивался по инициативе государства и церкви. С одной стороны, подготовка писарей из числа коренных жителей для повышения эффективности официального делопроизводства, а с другой – приобщение их к догматам православной веры объективно вели к глубокой политической, общественной и культурной интеграции.

⁸ Там же. Д. 47. Л. 6.

⁹ ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5. Л. 60б.

Опыт развития ранней письменности якутов имеет важное значение для изучения конкретных событий и фактов культурной жизни, а также для познания особенностей духовной жизни народа, связанной с письменной практикой. На наш взгляд, первые переводы на якутский язык текстов духовного и светского содержания оставили заметный след в развитии языка и формировании национальной интеллектуальной традиции. Достаточно обратиться к переводу священника Георгия Попова, ведь именно он выполнил в первые переводы отвлеченных понятий, употребление которых в якутском языке, по-видимому, берет начало с данного перевода. То же относится и к переводчикам светских текстов – прошений деятелей инородческого самоуправления, памятников обычного права, официальных документов.

Изучение памятников ранней письменности якутов кириллической традиции является перспективным направлением современной историографии. Открываются возможности раскрыть внутреннее мировосприятие представителей народов, которые в разное время вошли в состав Российской империи. Благодаря этому данная область исторического знания позволит шире и глубже представить особенности этноконфессиональной политики Российской империи в изучаемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958. 264 с.
2. Попов П.В. Краткая история развития якутского письма // Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947. Ч. 1: Фонетика и морфология. С.279–306.
3. Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 79 с.
4. Тобуроков Н.Н. Истоки якутской стихотворной речи в «Олонхо» А.Я.Уваровского // О жизни и деятельности Афанасия Уваровского. Якутск, 2011.
5. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Новосибирск, 1986. 262 с.
6. Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина Новосибирск, 1990. 646 с.
7. Попов Г.А. Историко-статистические данные о народном просвещении в Якутском крае // Попов Г.А. Сочинения. Якутск, 2006. Т. 2: Якутский край: пособие по краеведению; Научные статьи. С. 351–353.
8. Сокращенный Катехизис. Иркутск, 1819. 21 с. (На якут. яз.)
9. Сокращенный Катехизис. 2-е изд., Иркутск, 1821. 36 с. (На рус. и якут. яз.)
10. Краткий катехизис на русском и якутском языках. СПб., 1844. 36 с. (На рус. и якут. яз.)
11. Уваровский А.Я. Воспоминания / Подг. текста и вст. ст. Н.М.Заболоцкого. Якутск, 1947. 60 [1] с. (На якут. яз.)
12. Габышев Н.А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания» (биографический очерк). Якутск, 1995. 64 с.
13. Габышев Н.А. А.Я. Уваровский и его «Воспоминания» // О жизни и деятельности Афанасия Уваровского. Якутск, 2011. С. 5–27.
14. Тобуроков Н.Н., Сыромятников Г.С., Габышев Н.А., Михайлова М.Г. История якутской литературы (середина XIX – начало XX века). Якутск, 1993. 196 с.
15. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. 551 с.
16. Яковлев А.Е., Кузьмина Н.К. Сунтар: очерки истории села. Якутск, 2014. 160 с.
17. Парышев Ст. Заметки о первом якутском переводе сокращенного катехизиса и обучении якутов русской грамматике // Якутские епарх. ведомости. 1901. 1 февр. № 3. С. 43–45.
18. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. 343 с.

REFERENCES

1. Desheriev Yu.D. Development of the Newly Created Written Languages of the Peoples of the USSR. Moscow, 1958, 264 p. (In Russ.)
2. Popov P.V. A Brief History of the Yakut Writing. Kharitonov L.N. *Sovremennii yakutski yazik*. Yakutsk, 1947, vol. 1: *Fonetika i morfologiya*, pp. 279–306. (In Russ.)
3. Safronov F.G., Ivanov V.F. Yakut Writing. Yakutsk, 1992, 79 p. (In Russ.)
4. Toburokov N.N. The Origins of the Yakut Poetic Diction in «Olonkho» by A.Ya. Uvarovskiy. *O zhizni i deyatelnosti Afanasiya Uvarovskogo*. Yakutsk, 2011. (In Russ.)
5. Sleptsov P.A. Yakut Literary Language. The Origins, the Emergence of Standards. Novosibirsk, 1986, 262 p. (In Russ.)
6. Betingk O.N. On the Yakut Language. Trans. from German by V.I. Rassadin. Novosibirsk, 1990, 646 p. (In Russ.)
7. Popov G.A. Historical Statistical Data On Public Education in the Yakutsk Region. *Popov G.A. Sochineniya. Vol. 2: Yakutskiy kray: posobiye po kraevedeniyu; Nauchnye statii*. Yakutsk, 2006, pp. 351–353. (In Russ.)
8. Abridged Catechism. Irkutsk, 1819, 21 p. (In Yakut.)
9. Abridged Catechism. The 2nd ed. Irkutsk, 1821, 36 p. (In Russ., in Yakut.)
10. A Brief Catechism in Russian and Yakut Languages. SPb., 1844, 36 p. (In Russ., in Yakut.)
11. Uvarovskiy A.Y. Memories. Ed. by N.M. Zabolotskiy. Yakutsk, 1947, 60 p. [1] (In Yakut.)
12. Gabyshev N.A. Afanasiy Uvarovskiy and his «Memoirs» (Biographical Sketch). Yakutsk, 1995, 64 p. (In Russ.)
13. Gabyshev N.A. Afanasiy Uvarovskiy and his «Memoirs». *O zhizni i deyatelnosti Afanasiya Uvarovskogo*. Yakutsk, 2011, pp. 5–27. (In Russ.)
14. Toburokov N.N., Syromyatnikov G.S., Gabyshev N.A., Mikhailova M.G. History of the Yakut literature (mid XIX – beginning of XX century). Yakutsk, 1993. 196 p. (In Russ.)
15. Matkhanova N.P. Siberian memoirs of the XIX century. Novosibirsk, 2010, 551 p. (In Russ.)
16. Yakovlev A.E., Kuzmina N.K. Suntar: Essays on the History of the Village. Yakutsk, 2014, 160 p. (In Russ.)
17. Paryshev St. Notes on the First Translation of the Abridged Catechism into Yakut and Teaching the Russian Grammar to the Yakuts. *Yakutskie eperkhalnye vedomosti*. 1901. February, 1st., no. 3, pp. 43–45.
18. Afanasyev V.F. The School and the Development of Educational Thought in Yakutia, 1966, 343 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 30.05.2016